

ВИЗАНТИЯ

Дж. Херрин



УДИВИТЕЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИМПЕРИИ



Memorialis

Джудит Херрин

**Византия. Удивительная
жизнь средневековой империи**

«Центрполиграф»

2007

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4

Херрин Д.

Византия. Удивительная жизнь средневековой империи /
Д. Херрин — «Центрполиграф», 2007 — (Memorialis)

ISBN 978-5-227-07353-2

Уникальная книга профессора лондонского Королевского колледжа Джудит Херрин посвящена тысячелетней истории Восточной Римской империи – от основания Константинополя до его захвата турками-османами в 1453 году. Авторитетный исследователь предлагает новый взгляд на противостояние Византийской империи и Западного мира, раскол христианской церкви и причины падения империи. Яркими красками автор рисует портреты императоров и императриц, военных узурпаторов и духовных лидеров, талантливых ученых и знаменитых куртизанок. Отдельная глава посвящена евнухам – особой влиятельной касте, вершившей большую политику. Тонкий знаток эпохи, Джудит Херрин воссоздает картины повседневной жизни императорского двора: блеск золота, роскошь одеяний, сложные обряды, изысканные развлечения «рожденных в пурпуре». С особым вниманием автор освещает духовную сторону жизни империи, объясняет причины возвращения от иконоборчества к иконопочитанию и в очередной раз доказывает, что именно Византия – первая христианская империя, принявшая за основу духовный подвиг, – смогла сдержать исламскую экспансию и предотвратить завоевание Европы.

УДК 94(495)

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-227-07353-2

© Херрин Д., 2007
© Центрполиграф, 2007

Содержание

Введение	7
Часть I	14
Глава 1	14
Глава 2	20
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Джудит Херрин
Византия. Удивительная
жизнь средневековой империи

*Тамаре и Порции, которые тоже спрашивали, что такое
Византия*

Judith Herrin
BYZANTIUM
THE SURPRISING LIFE OF A MEDIEVAL EMPIRE

Text copyright © Judith Herrin 2007

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Введение

Другая история Византии

Однажды вечером – это было в 2002 г. – в дверь моего кабинета в лондонском Королевском колледже постучали двое рабочих. Они занимались ремонтом старых зданий и часто проходили мимо моей двери с табличкой «Профессор византийской истории». В конце концов они решили остановиться и спросить: что такое Византия? По их мнению, это было как-то связано с Турцией. И что особенного в ее истории?

И я попыталась вкратце объяснить двум серьезным строителям в касках и тяжелых ботинках, что такое византийская история. Многие годы преподавательской работы никак не подготовили меня к этому моменту. Ведь требовалось изложить в десятиминутной беседе все, что я изучала и чему учила целую жизнь. Рабочие тепло поблагодарили меня, сказали, что им было чрезвычайно любопытно узнать, что представляет собой эта самая Византия, и спросили: почему я ничего не написала о ней? Не написала книги для них? Я хорошо поняла, что они имеют в виду. О византийской истории написано бесчисленное множество книг – их слишком много, чтобы сосчитать, и большинство из них являются слишком длинными, чтобы их можно было прочитать. Очень часто они описывают череду ушедших императоров, более 125 константинопольских патриархов, многочисленные сражения в предсказуемых категориях политической, военной и религиозной деятельности на протяжении 11 столетий. Лишь небольшое из всего перечисленного способно вызвать интерес строительных рабочих, впрочем, как и представителей любой другой профессии, за исключением разве что узких специалистов – историков. И я стала думать, как ответить на вопрос: что такое Византия? Византийская история?

И сразу столкнулась с трудностями. Я делала слишком много допущений, не могла обойтись без затруднительных для понимания моментов. Но я всегда гордилась тем, что мои лекции по византийской истории вызывают интерес у аудиторий, с ней незнакомых. Занимаясь поисками методики, я отлично знала, что в 1000-летней византийской истории достаточно ярких впечатляющих и трагических эпизодов, чтобы привлечь внимание любителей сенсаций. Однако это сводило написание истории к перечислению драматических случаев, лишая ее глубины, сглаживая богатейший и разносторонний опыт. Византия – это не только богатство, господство на море и имперское могущество. Я хотела, чтобы читатель почувствовал, почему Византию трудно понять, невозможно познать и почему она может представляться непонятной, смутной и, несмотря на огромное количество трудов о ней, малоизвестной. Сложности усугубились тем, что современные средства массовой информации сделали термин «византийский» оскорбительным. Чего, к примеру, стоит фраза «налоговые правила воистину византийской запутанности» в описании переговоров Евросоюза.

Византия вызывает в воображении двойственный образ: с одной стороны – заговоры, убийства, физические увечья, с другой – непомерное богатство, блеск золота и драгоценных камней. Однако в период Средневековья у византийцев не было монополии на запутанность, предательство, лицемерие, туманность и богатства. Они дали миру большое количество умных, способных лидеров, блестящих генералов, предприимчивых теологов, которым завидовали и которых всячески старались опорочить. Вовсе не византийцы изобрели инквизицию – они вообще, как правило, избегали сжигать людей на кострах. Но существует некая тайна, связанная с этим «потерянным» миром. Ее трудно определить словами, возможно, потому, что у Византии нет современного наследника. И она остается скрытой за великолепием средневекового искусства – золотом, мозаиками, шелками и императорскими дворцами.

Чтобы дать свою оценку Византии, в этой книге я постаралась по возможности ясно и интересно выделить самые важные, на мой взгляд, моменты, раскрыть, какие структуры и

личности являлись их основой. Таким образом, я стремилась, чтобы вам было интересно до самой последней страницы, чтобы вы почувствовали, что познакомились с новой цивилизацией. Самое главное, чтобы вы поняли: современный западный мир, развившийся из средневековой Европы, не мог бы существовать, не будь он защищен и вдохновлен тем, что происходило на востоке – в Византии. Мусульманский мир тоже является важным элементом этой истории, равно как и отношения любви-ненависти между христианством и исламом.

Каковы ключевые черты этой важной, но малоизвестной истории? Во-первых, Византия – это тысячелетняя цивилизация, которая на протяжении всего Средневековья оказывала влияние на все страны Восточного Средиземноморья, Балканы и Западную Европу. В VI–XV вв. это влияние усиливалось и ослабевало, но было постоянным. Византийская цивилизация впитала языческие, христианские, греческие, римские, древние и средневековые компоненты. Ее культурное и художественное влияние теперь считается непреходящим наследием. Но вдобавок в Византии получили развитие фундаментальные аспекты управления, такие как имперский суд, дипломатическая служба, гражданская бюрократия, церемония коронации. Нельзя не упомянуть и о выраженной роли женщин в политике.

Величие Константинополя, сердца обширной империи, с унаследованной им системой имперского управления и разнообразием источников, ее стимулировавших, давало бесконечную уверенность и правителям, и подданным. Необходимо особо подчеркнуть этот аспект Византии. К началу правления императора Юстиниана (527–565) базовые структуры империи насчитывали уже 200 лет, и они так прочно закрепились, что оказались неизменными. Они создали глубоко укоренившуюся культуру, которая стала порождением древних греков, дохристианских источников, а также римских и христианских идей как идеологических, так и практических (пример – философские дискуссии и военные фортификационные сооружения). Вся система была воспета в имперской риторике и представлена в имперском искусстве, чтобы возвысить ее до вечного постоянства. Какими бы невыразительными ни казались высказанные идеи, они тем не менее подтвердили и еще глубже укоренили уверенность в себе византийских императоров, их приближенных и подданных. На этих идеях базировалась исключительная способность византийцев решать сложные задачи, требующие большого напряжения сил, в VII и XI вв. и, конечно, в 1204 г. И всякий раз она адаптировалась и изменялась, опираясь именно на базовые элементы империи, породив ощущение приверженности традициям.

В этом смысле византийская культура воплощает понятие французского историка Фернана Броделя об исторической долговременности – *longue durée*: о том, что переживает превратности смены правительств, новомодных фасонов и технологических усовершенствований, о постоянном бессрочном наследии, которое может одновременно сковывать и вдохновлять. В то время как Бродель применял эту идею больше к географическим факторам, которые определили историю Средиземноморья, мы можем адаптировать ее, чтобы отличить византийскую культуру от культур ее соседей. Ведь в противоположность другим средневековым обществам – и на западе, и в мусульманском мире, Византии было уже много веков к тому времени, когда Карл Великий и Гарун аль-Рашид в 800-х гг. появились на исторической сцене, и ее культура являлась одновременно и ограничителем, и источником силы. На самом деле, как мы убедимся, она родилась старой, импортировав в свою столицу еще при ее строительстве античную архитектуру и статуи. Концептуальные рамки византийской культуры, которую осуждают, считая консервативной, и хвалят, называя традиционной, дали общее чувство причастности, увековеченное в характерных и изменчивых образах, и все они предназначены исключительно для славы и величия Византии. Так образовалось гибкое наследие, которое доказало свою способность поддерживать, сохранять и усиливать империю в периоды даже самых тяжелых кризисов.

Имперские черты Византии подчеркивались лингвистической преемственностью, которая связывала ее средневековых ученых с древнегреческой культурой и побуждала их сохранять тексты основных философов, математиков, астрономов, географов, историков и врачей

(путем копирования, редактирования и написания комментариев). Византия высоко ценила поэмы Гомера и создала первые критические издания Илиады и Одиссеи. Хотя публичные театральные представления прекратились, пьесы Эсхила, Софокла, Еврипида и Аристофана тщательно изучались и заучивались наизусть поколениями школьников. Они также учили речи Демосфена и диалоги Платона. Таким образом в византийскую культуру был включен сильный элемент стародавней языческой мудрости.

Древнее наследие сочеталось с христианской верой, которая постепенно вытеснила культы языческих богов. Византия поощряла и подпитывала ранние христианские монашеские традиции, возникшие на священных горах, таких как Синай и Афон, где духовные учения продолжали вдохновлять монахов и пилигримов. Она взялась за обращение в христианство болгар, сербов и русских, поэтому на значительной части Балкан до сих пор много православных церквей, украшенных средневековыми фресками и иконами. Византия поддерживала контакты с христианскими центрами, перешедшими в VII в. под мусульманский контроль. Она оказывала помощь патриархам Иерусалима, Александрии и Антиохии, и даже более удаленным общинам – церквям Эфиопии и Судана, Персии, Армении и Грузии.

Используя наследие римских технологий и богатый инженерный опыт Римской империи, византийцы продолжали строить акведуки, фортификационные сооружения, мосты и дороги, а также такие грандиозные конструкции, как храм Святой Мудрости – Св. Софии в Константинополе. Она до сих пор демонстрирует массивные стены VI в., увенчанные самым большим куполом из всех, строившихся до собора Св. Петра в Риме, появившегося тысячелетием позже. Константинопольский купол часто ремонтировали, но он сохранился в целости и впоследствии копировался при строительстве церквей меньшего размера по всему миру православия. Он также вдохновил строителей крытых мечетей, появившихся после прихода арабов из пустынь, где они поклонялись своим богам на открытых площадях. «Купол скалы» в Иерусалиме получил название после мусульманской оккупации этого святого места, почитаемого и христианами, и иудеями. Не только круглая крыша, но и яркие мозаики демонстрируют византийское влияние – в VII в. халиф Абд аль-Малик попросил императора Юстиниана II прислать византийских ремесленников, которые вырезали из цветного камня и стекла тессеры,¹ мерцавшие всякий раз, когда на них падал свет. Возможно, они также выполнили надпись из Корана длиной 240 м, расположив ее в основании купола. В ней сказано, что ислам – завершающее откровение Аллаха (Бога) и превосходит все прочие религии.

От Рима Византия также унаследовала развитую правовую систему и военные традиции. Это помогло ей прожить столь долгую жизнь. Теоретически византийское общество управлялось законом: судей обучали, они получали заработную плату и решали споры. По всей империи люди приходили со своими проблемами в суды и подчинялись их решениям. Хотя знаменитых римских легионов после VII в. уже не было, и вооруженные силы – и пехота, и кавалерия – тренировались по римским военным руководствам. Стратегии для сражений на суше и море, осадные орудия, методы обеспечения снабжения вооруженных сил, их вооружение и доспехи – все это было адаптировано на основе старых практик. Состав «греческого огня» – сернистого вещества, которое горит на воде, – оставался государственной тайной, и мы до сих пор не знаем точного соотношения компонентов. Аналогичное оружие создали и арабы, но «греческий огонь» продолжал ужасать людей и в морских сражениях, и в сухопутных осадах.

Византия считала себя центром мира, а Константинополь – заменой Рима. Пусть византийцы говорили по-гречески, но империя все равно была римской, а ее жители – римлянами. Она руководила грекоговорящими сообществами на Сицилии и в южной части Италии, которые возникли из поселений древней греческой эмиграции. Византия защищала и стимулиро-

¹ Тессера – кубик из цветного мрамора, стекла и пр., из которого составлялись античные мозаики. (Здесь и далее примеч. пер.)

вала рост итальянских приморских городов, таких как Амальфи и Венеция, живших международной торговлей. В свое время эти города самостоятельно догнали и обошли Византию как экономические центры, создали собственный крупный флот. Но византийское влияние на них не подлежит сомнению. Бронзовые двери, созданные в Константинополе, украшают их соборы, в которых нередко присутствуют также мрамор, мозаика и иконы в византийском стиле. Процветание этих городов началось под крылом империи.

Для нас сегодня, вероятно, самой важной представляется историческая роль Византии в защите христианского Запада в раннем Средневековье. До VII в. Византия действительно была Римской империей. Она правила Северной Африкой и Египтом, житницами, которые кормили Рим и Константинополь, Южную Италию, Святую землю, Малую Азию до самой горы Арарат, всю сегодняшнюю Грецию и значительную часть Балкан. Затем арабийские племена, вдохновленные новой религией – исламом, покорили большую часть Восточного Средиземноморья. Они сражались, считая себя преемниками и христианства, и иудаизма. Византия сдержала их экспансию в Малую Азию, не допустила пересечения ими Дарданелл и продвижения на Балканы. Константинополь выдержал многочисленные осады и устоял.

Цель мусульман – захват Константинополя, превращение его в свою столицу, установление господства над всем римским миром – собственно говоря, была вполне законной и логичной. Поскольку главенствующей религией был объявлен ислам, естественно, его силы должны были заменить Рим и прийти на смену политическим структурам Древнего мира. Если следовать честолюбивым замыслам, перечисленным в Коране, все Средиземноморье должно было объединиться под мусульманским управлением, как и персидский мир зороастрийских верований. Необычайно быстрой и успешной кампанией 634–644 гг. арабские племена подошли вплотную к осуществлению своих целей. Именно арабы стали причиной первого из поворотных пунктов в византийской истории.

Если бы Византия не остановила в 678 г. их экспансию, мусульманские силы, насыщенные дополнительными ресурсами столицы, в VII в. распространили бы ислам по всем Балканам, Италии и далее на запад, поскольку господствовавшая в это время политическая раздробленность существовавших там стран снижала для них вероятность организованной обороны. Предотвратив это потенциальное завоевание, Византия сделала возможным развитие Европы. Она дала западным христианам, которые были разделены на небольшие группы, время накопить силы. Через 100 лет после смерти пророка Мухаммеда (632 г.) Карл Мартелл в центральной части Франции – при Пуатье разгромил пришедших из Испании мусульман и оттеснил их обратно за Пиренеи. Зарождающаяся идея о создании государств в Европе оформилась при внуке и тезке Мартелла – Карле Великом. Именно он и его последователи делали для этого все от них зависящее и немало преуспели.

В Средние века многие западные церковные деятели и правители имели представление, хотя и смутное, о существовании на востоке христианской византийской цивилизации. Хотя византийцы управляли значительно меньшей территорией, чем римляне в период расцвета Римской империи, с VII до XV в. Византийское государство развило новые политические и культурные формы. Оно совместило разные черты своего прошлого, чтобы создать новую средневековую цивилизацию, которая привлекла многих нехристианских северных правителей. В свою очередь, болгары, русские и сербы приняли христианскую веру и элементы византийской культуры. Более семи веков Византия оставалась маяком ортодоксальной веры и классической учености.

В период Крестовых походов Византия оказалась в центре усилий христиан, стремившихся отобрать у мусульман Святую землю. После XI в. Византия и Запад познакомились ближе, однако с негативными последствиями. Несмотря на успех Первого крестового похода, в результате которого возникло Латинское королевство Иерусалим, Четвертый крестовый поход повернулся против Константинополя, и в 1204 г. город был разграблен. Это событие стало

вторым поворотным пунктом в византийской истории: империя так никогда и не сумела восстановить свою былую силу. Византийские императоры хотя и вернули собственную столицу, но правили тем, что, по сути, в 1261–1453 гг. являлось городом-государством, а в 1453 г. Константинополь был захвачен османскими турками.

Любопытно, но факт: византийское культурное влияние распространялось обратно пропорционально политической силе. После 1204 г., когда многочисленные произведения искусства были вывезены из Константинополя обратно в Западную Европу, византийский вклад в возрождение западной науки и искусства стал весьма заметным. В XIV в. византийские преподаватели греческого языка назначались в итальянские университеты. Они и их ученики начали переводить труды Платона. Работы Аристотеля уже достигли Запада при посредстве мусульманского мира, но основные философские труды Платона оставались неизвестными. Во время переговоров во Флоренции, которые в 1439 г. привели к воссоединению восточной и западной церкви, публичные лекции о Платоне, которые читал известный греческий ученый и философ Георгий Гемист Плифон, подвигли Козимо Медичи на создание Платоновской академии. Таким образом, Византия начала вносить свой вклад в итальянское Возрождение значительно раньше, чем 1453 г., когда турки сделали Константинополь своей столицей. После падения города беженцы, перебравшиеся в Италию со своими манускриптами, укрепили новую науку и искусство. А несколькими десятилетиями позже, когда протестантские реформаторы осудили религиозное искусство и начали настаивать на появлении более духовного стиля христианского почитания, они использовали все библейские и святоотеческие тексты, собранные византийскими иконоборцами VIII и IX вв.

В этой книге я стремилась показать, что такое Византия, что она отстаивала, к чему стремилась, что символизировала. Этот сугубо личный взгляд сформировался на основе моих более ранних исследований проблем религии в ранней средневековой истории, важных для *образования христианского мира*. Вопросы веры считались жизненно необходимыми для людей эпохи Средневековья, их значение было намного важнее, чем принято сегодня. И это следует учитывать при исследовании средневекового искусства. В дополнение к идеям, которые объединяли или разделяли христиан, их религиозный мир был наполнен и другими верованиями, которых придерживались необращенные политеисты, приверженцы восточных культов, последователи Заратустры (Заратуштры) и Мани, иудеи. Ислам оказал большое влияние в этом мире на всех, кто жил на восточном и южном берегах Средиземного моря, в Сирии, Испании и во всех регионах между ними. В VIII в. имевшее место в Византии первое официальное уничтожение икон – иконоборчество – подвигло простых людей на смерть ради своих религиозных образов. В то время как ислам ввел строгий запрет на священные изображения, Рим обнаружил преданность иконам, а теологи Карла Великого начали колебаться. Таким образом, VIII–IX вв. стали критическими для развития трех отдельных, но связанных регионов: византийского востока, исламского юга (Египет, Северная Африка, Испания) и латинского запада, впоследствии ставшего Европой. В разных формах это разделение просуществовало до нашего времени.

В этот период истории достойно внимания такое явление, как увлеченность женщин Византии иконами, что могло быть связано с исключением женщин из официальной церковной иерархии. Также нельзя не упомянуть и о мотивах двух женщин-правительниц, о которых я писала в «Женщинах в пурпуре», восстановивших поклонение иконам в 787 и 843 гг. Когда императрицы Ирина и Феодора изменили политику иконоборчества, введенную и всячески поддержанную их мужьями и другими родственниками мужского пола, мне представляется, что они действовали со всей безжалостностью и коварством мужчин. Но, проявив эту инициативу, они также приобрели политическое признание и известность, не имевшие себе равных в других средневековых обществах. Так что, хотя хронисты того времени и предполагали, что

почитание икон является проявлением их женской слабости, это вовсе не так. Здесь я прослеживаю связь с византийской традицией женского правления, «имперской женщиной».

Раскопки – хороший способ познать Византию. В Греции, на Кипре и в Константинополе на месте церкви Богородицы Кириотиссы я работала с предметами материальной культуры, являющейся основой византийской цивилизации. Когда исследуешь церкви Крита и Китиры, острова у южного берега материковой Греции, и фиксируешь находки гончарных изделий в средневековом замке в Куклии, что на юго-западе Кипра, поневоле становишься ближе к средневековым обитателям этих мест. Во время моего первого археологического сезона в Пафосе – тоже на Кипре – мы нашли остатки женского скелета в руинах замка «Саранда Колоннес» («Сорока колонн»). На нем были золотые и жемчужные кольца. Скорее всего, эта женщина погибла во время землетрясения 1222 г. В Стамбуле рабочие, ремонтировавшие зимнюю протечку у мечети Календер, обнаружили пустоту за стеной, ближайшей к монументальному акведуку, который все еще возвышается над старой его частью. Один из этих реставраторов ощупал, что находится за краем панели, и идентифицировал тессеры того, что на поверку оказалось ранней христианской мозаикой Святой Девы, которая показывает младенца Христа Симеону. Возможно, ее закрыли стеной, чтобы защитить от уничтожения иконоборцами. В точности так же целая часовня с фрагментарными фресками, посвященная св. Франциску Ассизскому, была в 1261 г. заложена кирпичами, когда монахи бежали из Константинополя после латинской оккупации. Эти произведения христианского искусства, восточного и западного, впоследствии были восстановлены Эрнстом Хокинсом и теперь выставляются в Археологическом музее Стамбула.

Мое понимание Византии также формировалось благодаря многочисленным свидетельствам ее средневекового величия. Еще подростком я побывала в Равенне – в Северной Италии – и была потрясена мозаичными портретами византийского императора Юстиниана и его супруги императрицы Феодоры, звездами на небесной тверди гробницы Галлы Плацидии, а также процессиями святых и отарами овец, которые украшают городские церкви. В 2005 г. – спустя более чем четыре десятилетия – мне разрешили подняться на крышу церкви монастыря Св. Екатерины (Синайский полуостров). Церковь была построена той же венценосной четой, несмотря на 2000 миль, разделяющие Северную Адриатику и Красное море. Считается, что там растет Неопалимая Купина. Именно там, где Моисею было приказано снять сандалии, потому что он ступал по священной земле, я прочитала надпись о патронаже Юстиниана и Феодоры, вырезанную на балках VI в., которые прекрасно сохранились в сухом климате египетской пустыни, где нет термитов. Подобный опыт подтверждал то, о чем писали византийские историки относительно императора и его супруги.

В Риме и Сицилии, Москве и конечно же в Константинополе, равно как и по всей Турции, видны следы византийского влияния. Но ничто не сравнится с изумлением от находки византийских мозаик в михрабе² Мескиты – кордовской Соборной мечети, которая была построена до начала X в. халифом аль-Хакамом II. И с благоговейным восторгом, который поневоле испытываешь, когда после долгого путешествия через Понтийские Альпы прибываешь поздно вечером в Трабзон (Трапезунд) и видишь дворец, горделиво возвышающийся над городом.

Упомяну о сождении Благодатного Огня на Гроб Господень в Иерусалиме в Пасхальное воскресенье. В этот день в темноте митрополит выходит из гробницы с зажженной свечой в ознаменование воскрешения Христа – от нее все верующие зажигают свои свечи. Даже в современных Афинах в Пасхальное воскресенье толпы народа со свечами поднимаются на гору

² Михраб – священная стрельчатая плоская арка в мусульманских культовых сооружениях или ниша в стене киблы, обращенная в сторону Мекки.

Ликавит (Ликабет),³ что является мощным напоминанием о силе церемоний, отмечающих это событие уже два тысячелетия.

По причинам, которые станут ясными из этой книги, византийские предметы разбросаны по всей Европе и их можно встретить в музейных экспозициях в самых неожиданных местах. Увидеть византийский шелк, названный «Плащ Александра», в Баварии, или брачный контракт Феофано и Оттона (Отто) II в Вольфенбюттеле, или пластины из слоновой кости, теперь используемые как книжные обложки, – значит проникнуться искренним восхищением к мастерам, их изготовившим, и культуре, к которой они принадлежат. На Западе их бережно сохраняли веками, хотя западные ученые и священнослужители также ответственны за поддержание недостоверных стереотипов того, что означает «византийский».

Византия становилась мне ближе и понятнее всякий раз, когда я готовила очередной курс лекций по ее истории. И мне хочется выразить особенную благодарность тем студентам, которые спорили со мной. После моего назначения в 1990 г. в Принстон я получила неожиданный бонус, столкнувшись с группой блестящих выпускников, привлеченных не имеющим себе равных историческим факультетом. Оказавшись в окружении студентов-интеллектуалов и активных коллег, я решила испробовать новые пути передачи окружающим моей страсти к Византии. Одна из коллег, Кристин Стенселл, позже навестила меня в Лондоне и с надеждой и симпатией поинтересовалась, не пора ли «собрать урожай». Так что эта книга своим появлением отчасти обязана и ей.

Вернусь к вопросу формы. В шекспировском Лондоне были одинаково знакомы и византизм – золотая монета, названная в честь Византии, и икра, которой отдавали предпочтение ее жители. Такое косвенное наследие Византии можно обнаружить в самых неожиданных уголках мира. И в этой книге я объясню почему. Я решила не следовать установившимся традициям предыдущих исследований, а выбрать отдельные события, памятники, особые черты Византии и рассмотреть их в рамках основных этапов византийской истории. Первые семь глав посвящены основополагающим вопросам, таким как город Константинополь, закон и ортодоксия, которые рассматриваются на протяжении тысячелетней византийской истории. Другие главы могут частично совпадать, если они рассматривают те же события с других точек зрения. Моей главной проблемой оказалось исключение. В условиях ошеломляющего богатства интереснейших примеров и интригующих деталей трудно решить, какие из них не включать в книгу. Я смогла дать только подборку *meze*, нечто вроде закуски перед основным блюдом. Список рекомендованной литературы в конце книги предназначен для тех, кто захочет получить более полную информацию. Могу заверить, что я честно пыталась ответить на вопрос, заданный мне строителями в Королевском колледже: почему мы все должны знать больше о византийской истории?

³ На горе Ликавит находится византийский храм Св. Георгия, возведенный в XI–XII вв.

Часть I

Основы Византии

Глава 1

Город Константина

Константин решил сделать город домом, подходящим для императора... Он окружил его стеной... перерезавшей весь переиеек от моря до моря. Он построил дворец, вряд ли уступающий римскому. Он роскошно украсил ипподром, включив в него храм Диоскура.

Зосим. Новая история

Византий – Константинополь – Стамбул – необычное место. Как Нью-Йорк, Сидней и Гонконг, это крупный город с глубоководной гаванью, которая приводит море в самое его сердце. Близость воды, игра солнечных лучей на волнах и сверкающая голубая гладь, простирающаяся до самого горизонта, создают особенный свет. Когда Константин в начале IV в. искал место для новой столицы Римской империи, он хотел, чтобы оттуда можно было контролировать сухопутные и морские пути между Азией и Европой. Подходящее место с безопасной гаванью он обнаружил на берегу бухты Золотой Рог, которую можно было перегородить цепями, чтобы не допустить проникновения в нее вражеских кораблей. Также обеспечивалась защита от опасных течений в Босфоре. Считалось, что маяк, известный под названием «Девичья башня», стоял на том месте, куда Леандр плыл к своей возлюбленной Геро (здесь создатели мифа спутали Босфор и Дарданеллы). Теперь рядом с ним стоят русские танкеры. Но до недавнего времени на берегу можно было нанять лодку, чтобы переплыть пролив, полюбовавшись чудесной панорамой Константинополя. И хотя сейчас есть два моста, соединяющие Азию и Европу, а население современного Стамбула составляет 12 млн человек, пассажирские паромы продолжают курсировать через Босфор, а на них путешественникам предлагают стаканчик черного чая и симиты – колечки из печеного теста с кунжутом. В ясный погожий день удивительно приятно посидеть на палубе и насладиться восхитительными видами Константинополя.

Константин родился в центральной части Балкан – в Нише. Он был сыном императора Констанция Хлора, одним из четырех правителей тетрархии Диоклетиана (284–305), созданной, чтобы обеспечить остро необходимый элемент стабильности в обширном римском мире. Тетрархия, по сути, разделила империю на две половины, управлявшиеся двумя императорами совместно, с помощью двух младших коллег, которые должны были получить полную власть после их смерти. Система «пробуксовывала» из-за амбиций сыновей императоров, не получивших никакой роли. Константин ясно показал существование этой проблемы после смерти своего отца в Йорке в 306 г., когда его войско провозгласило его императором. Однако он не был признан Галерием, старшим императором Востока, и спустя несколько лет появилось три разных военных лидера, претендовавшие на императорский титул на Западе. Перебравшись на юг из Англии, Константин сражался и одержал победу над другими, а в 312 г. выступил против Максенция у Мульвийского моста – неподалеку от Рима. После этой решающей победы Константин с триумфом вошел в Вечный город, где его шумно приветствовал сенат. Однако он отказался поблагодарить богов за свой успех у алтаря победы, как это было принято. Позднее Константин говорил, что видел Крест в небесах и понял, что это знак Бога христиан, обе-

щавшего ему победу. Он стал императором Запада благодаря военным завоеваниям и теперь должен был вступить в переговоры с Лицинием, императором Востока.

Два правителя встретились в Милане в 313 г. и укрепили свое совместное правление брачными союзами, объединившими империю. Они также решили издать эдикт терпимости. Согласно Миланскому эдикту, все религии, включая христианство, могли исповедоваться свободно, пока поклонники всех богов будут молиться о благополучии империи и императоров. Какими бы ни были личные верования Константина, в 313 г. он сделал шаг к определению официальной религии империи, отдавая при этом явное предпочтение христианству. Вражда между двумя правителями разрешилась лишь спустя одиннадцать лет, когда Константин разбил войско Лициния у городка Хрисополь, что на азиатской стороне Босфора. Он захватил соперника в плен, выслал в Фессалоники, где тот был предательски убит. Таким путем в 324 г. Константин стал правителем не только обширной, богатой и населенной Восточной империи, но и Западной. Он разъезжал по всему римскому миру и везде сражался – еще тринадцать лет, до своей смерти в 337 г.

После победы над Лицинием Константин решил, что империи нужна столица на востоке, поближе к самому серьезному противнику – Персии, постоянно угрожавшей вторжением. Рассматривался вариант древнего города Трои. Вместо этого Константин выбрал колонию, созданную греками из Мегары, якобы в VII в. до н. э., на европейском берегу Босфора. Так возник Византий (Византион), который быстро начал процветать, контролируя судоходство через коварные воды, связывающие Черное море с Мраморным, которое, в свою очередь, соединяется с Эгейским морем проливом Дарданеллы.

Византий был построен на возвышенности и имел хорошо защищенную гавань – Золотой Рог. Поскольку море омывало город с трех сторон – с севера (Золотой Рог), востока (Босфор) и юга (Мраморное море), – фортификационные сооружения следовало построить только на западе. Кроме того, Византий контролировал морские торговые пути, по которым перевозился янтарь, меха, металлы и лес с севера; масло, зерно, папирус и лен со Средиземного моря, специи с Дальнего Востока, а также сухопутные торговые пути между Западом и Азией. В конце II в. император Септимий Север укрепил городские стены, которые всегда считались слабым звеном при обороне столицы, и добавил новые памятники.

Константин трансформировал Византий в новую столицу, которой дал свое имя. В точности так же Адриан основал Адрианополь, а Александр Великий – Александрию. В числе традиционных церемоний, выполненных в 324 г., была пропахана линия, чтобы обозначить место возведения новых стен, которые в четыре раза увеличивали протяженность города и максимизировали потенциальные возможности территории, огораживая участок размером примерно 8 кв. км. По крайней мере, так пишет Зосим. Предусматривались ворота в западной стене, вдоль Мраморного моря и Золотого Рога. После шести лет интенсивного строительства, 11 мая 330 г., было официально объявлено о появлении города Константина – Константинополя. Торжественная церемония напомнила о древних городских праздниках. На ипподроме устраивались бега и гонки колесниц – любимый спорт римлян. Открылись для общего пользования новые бани Зевксиппа. Жителям раздавали продукты, одежду и деньги. Постоянные жители новой столицы стали называть себя византийцами – чтобы подчеркнуть свою связь с древним Византием – Византионом и отличить себя от гостей города.

Город Константина «втянул» в свой центр великие торговые пути, морские и сухопутные, которые встречались на глубоководном канале, отделяющем Европу от Азии. В отличие от греческой колонии Хрисополь на азиатской стороне Босфора он защищался самим ландшафтом скалистого полуострова. Одно большое преимущество почти полного окружения водой заключалось в том, что западная стена, протянувшаяся через полуостров, огораживала большой участок земли относительно короткой линией фортификационных сооружений. Кроме того, в таком положении защитников города было труднее застать врасплох внезапной атакой.

Регулярное снабжение водой было обеспечено с помощью длинной системы акведуков и резервуаров для сбора дождевой воды. Учитывая легкий доступ к плодородным землям внутренних районов и изобилие рыбы, Константинополь стал естественной крепостью, практически неприступной.

Но даже при таком количестве природных преимуществ, решающим элементом в обороне города всегда были его жители, созданные ими институты, культура и организация. С самого начала Константинополь называли Новым Римом. Копируя старый Рим, он насчитывал 14 районов и семь холмов, соединенных широкими проспектами, ведущими от центра к воротам в западной стене. Площади украшали древние скульптуры, вывезенные из всех частей империи. На акрополе, выходящем на Босфор, было два храма, посвященные Рее, матери богов, и римской богине Фортуне. На центральной площади Константина стояла впечатляющая порфировая колонна, построенная из барабанов пурпурного камня, привезенного из Египта. На верхушке находилась статуя Аполлона, которую приспособили для изображения императора. Произведения искусства украшали портики вокруг этой круглой площади с триумфальными арками на востоке и западе, отмечавшими вход на *Месе* (главную магистраль).

Константин привез скульптуры из самых разных частей империи, чтобы украсить новую столицу, включая Змеиную колонну, поставленную после греческой победы при Платеях в 479 г. до н. э., из Дельф, и египетский обелиск, установленный в честь более ранней победы, из Карнака. Ипподром стал музеем под открытым небом, украшенным защищающими, символическими и победными греко-римскими образами. Статуи языческих богов (Зевса, Геракла), диких и фантастических животных, правителей, включая Александра Великого, Юлия Цезаря и Августа, а также самого Рима в образе волчицы с Ромулом и Ремом соперничали с многочисленными военными трофеями. Четыре древних бронзовых коня были установлены над стартовыми воротами при входе, чтобы вдохновить участников соревнований и зрителей, пришедших насладиться древним искусством – скачками. Районы соединялись широкими магистралями, причем по краям каждого находились колоннады, в которых устраивались магазины. Там же можно было посмотреть и приобрести продукцию местных ремесленников. В общем, новую столицу создали, чтобы производить впечатление.

В своем городе Константин чеканил солиды (греческое название – *номизма*), которые он представил на Западе в 309 г. Это был новый тип 24-каратной золотой монеты, ставший самой надежной валютой поздней Античности и византийского мира. До начала XI в. все императоры чеканили монеты сравнимой чистоты и качества, поддерживая стабильный стандарт в течение 700 лет, – удивительное достижение. Поскольку на имперских монетах были часто представлены образы Рима и Победы, Константин решил ничего не менять и использовал образ Тихеи на монетах Константинополя. Она изображалась женщиной, сидящей на троне с зубчатой короной – символом городских стен – на голове и рогом изобилия – символом богатства города – в руках (аллегория мужской власти в образе женщины, разъясненная Мариной Уорнер). Имперские монеты, отчеканенные в Константинополе, ввели символ новой столицы в широкое обращение. Со временем крест стал более значительным и вытеснил древние символы, однако изображение Христа не использовалось до самого конца VII в. После VII в. номизма стала единственной доступной золотой монетой и высоко ценилась, особенно в регионах, где чеканили серебро. Византийские золотые монеты находили при раскопках в Скандинавии, Западной Европе, России, Персии и на Цейлоне.

Основав Новый Рим, Константин принес многие черты старого Рима, что на Тибре, на Босфор. Он даровал землю и привилегии сенаторским семействам, которые соглашались перебраться на восток и создать новый сенат – константинопольский. Право на снабжение бесплатным хлебом связывалось с сооружением новых зданий. Те, кто строили жилье в Новом Риме, получали хлебные знаки, позволявшие им каждый день получать свежий хлеб в установленных точках, имевшихся в каждом из 14 городских районов. Были построены зерновые silos

и резервуары для воды, обеспечивавшие снабжение населения. В 359 г. назначили префекта, ответственного за город. Там постепенно сконцентрировалась вся городская администрация. Копируя римскую модель – «хлеба и зрелищ» (см. гл. 3), – Константин завершил строительство ипподрома и назначил профессиональных «работников индустрии развлечений» для организации скачек и представлений, столь любимых в древности.

Начиная с 330 г. вплоть до своей смерти в 337 г. Константин продолжал вести военные кампании против враждебных сил на востоке. Он постоянно переезжал из одного дворца в другой, а не жил в Константинополе постоянно. После своей начальной победы в Риме он лишь однажды вернулся в древнюю столицу, чтобы отпраздновать десятилетие своего восхождения на престол (315 г.). Тогда была освящена Новая базилика и арка Константина, которая до сих пор украшает площадь. Новая столица росла за счет старого Рима и других городов, ранее использовавшихся как императорские резиденции: Трир и Никомедия, которым отдавал предпочтение Диоклетиан, Сирмий на Дунае и Антиохия на границе современной Турции и Сирии. Хотя многие сенаторские семейства остались на западе, Константинополь привлек к себе ремесленников, архитекторов, купцов и путешественников. Новый двор нуждался в образованных людях, чтобы восхвалять новых христианских императоров и осуществлять управленческие функции. В условиях отсутствия традиционной касты известных, имевших прочную репутацию семейств – как в Риме – Константинополь был больше открыт талантам, и потому новые люди, доказавшие свою успешность, быстро продвигались по карьерной лестнице. Такая социальная мобильность означала, что в городе имелось менее выраженное разделение между аристократами и плебеями, хотя над выскочками все же посмеивались, а рабов били.

Природа и степень приверженности Константина христианству является вопросом спорным: его биограф Евсевий (епископ Кесарии, 313 – ок. 340) подчеркивал этот факт. Светские историки пишут, что он разделял приверженность своего отца Непокоренному Солнцу⁴ – Sol Invictus. В конце V в. Зосим обвинил Константина во всех бедах Римской империи. Он заявил, что Константин отказался от религии своих предков (от поклонения языческим богам), потому что «некий египтянин заверил его, что христианская религия может избавить его от вины...». Историк также сообщил, почему император чувствовал себя виноватым: Константин убил своего сына Криспа по подозрению в предосудительных отношениях со своей мачехой – императрицей Фаустой. Позднее Константин закрыл ее в перегретой бане и держал там, пока она не умерла. Император действительно был крещен, но только на смертном одре. Это не считалось чем-то необычным, поскольку христиане хотели избежать греховных дел после крещения, поэтому церемонию нередко откладывали до последнего момента.

Разные версии истории о том, что Константину якобы было видение Креста перед сражением у Мульвийского моста, предполагают, что это миф, хотя более поздние христианские авторы утверждают, что именно в этот момент произошло обращение. Однако в Риме зимой 312/13 г. Константин велел губернатору Карфагена вернуть христианское имущество, конфискованное во время недавних гонений, местному епископу и выделить ему компенсацию, если предметы уже были проданы или переплавлены. Это действие подразумевает определенный отход от прежнего имперского взгляда на христианство, а также отсутствие должного почтения перед древними богами и императорами.

Если Константин поддерживал христианских лидеров и финансировал строительство христианских церквей, его сыновья также разрешили строительство храма в Италии, посвященного культу императорской семьи, где священнослужители совершали жертвоприношения в старом языческом стиле. В то же время некоторые храмы были вынуждены отказаться от статуй, и все ценные металлы были убраны с дверей и крыш. Жертвенный элемент языческого культа со временем ограничили; убийство животных сменилось бескровным жертвопри-

⁴ Sol Invictus – официальный римский бог солнца созданного императором Аврелианом в 274 г. солнечного культа.

ношением христианскому Богу. Поскольку многие языческие философы также подчеркивали необходимость духовного понимания «жертвоприношения», это не может считаться исключительно христианской сдержанностью. Как бы то ни было, приношения в жертву животных – центральный акт языческого культа – постепенно прекратились. Короче говоря, был ли Константин обращен в христианство видением Креста в 312 г., или это произошло только на смертном одре – в 337 г., он большую часть своей сознательной жизни являлся покровителем христианства, поддерживал ранее преследуемые общины. Он наделял их новые церкви литургическими предметами (из ценных металлов и драгоценных камней), а также всячески старался им помогать.

Точно не известно, как много новых религиозных сооружений в Константинополе было построено Константином. Вероятно, это церковь Св. Апостолов, к которой присоединялся императорский мавзолей, храм Св. Ирины и церкви, посвященные культам двух местных мучеников – Мокия и Акакия. За пределами столицы Константин уделял особое внимание территориям, связанным с жизнью Христа на земле. В 326 г. он даже отправил свою мать Елену на Святую землю. В ходе своего первого паломничества она нашла церкви в Вифлееме – в месте рождения Христа и в Иерусалиме – над гробницей у Голгофы, где она, как утверждают, обнаружила еще и Истинный Крест. Она также развозила деньги войскам – не исключено, что именно это было первичной целью ее поездки. Путешествие Елены стало моделью для следующего паломничества, которое было облегчено строительством приютов и госпиталей. В 335 г. сам Константин последовал по ее стопам. Он посвятил еще один храм Спасителю и посетил Иерусалимский собор, прежде чем отметил тридцатилетие своего правления.

Хотя, согласно римским традициям, императоров кремировали, Константин был похоронен по христианским обычаям в мавзолее, построенном для мощей 12 апостолов. Император желал покоиться среди избранных учеников Христа. Евсевий описывал его равным апостолам и считал его 13-м апостолом, хотя сам император, судя по всему, мнил себя выше их. Сын императора – Константин II – завершил строительство церкви Св. Апостолов и в 356–357 гг. перенес туда то, что считалось останками святых Тимофея, Луки и Андрея. Следующие правители добавили к впечатляющей коллекции реликвий новые: покров и пояс Пресвятой Богородицы, сохраняемые во Влахернском храме, стали особенно важными. Императоры ежегодно поклонялись этим реликвиям и посещали мавзолей, где окуривали ладаном гробницы, зажигали свечи и молились рядом со своими предшественниками. Церемонии, подобные этой, укрепляли идею неразрывной линии христианских правителей, основанной Константином.

Согласно системе имен, преобладавшей в Византии и существенно запутавшей ее историю, многочисленные более поздние императоры также носили имя Константин. Всего их было 11. Обычно первый рожденный в браке отпрыск мужского пола получал имя деда по отцовской линии, что объясняет некоторые из имен Константин. Других провозглашали «Новыми Константинами», чтобы подчеркнуть их равенство с основателем Византии, или добавляли Константин к личному имени, как, например, Ираклий Константин в начале VII в. Помимо 11 Константинов есть еще 8 императоров Михаилов, 8 Иоаннов и 6 Львов. Они перечислены в конце настоящей книги, чтобы была возможность различить их по датам и достижениям. Но никто из них так и не занял такого положения и не приобрел такого влияния, как первый Константин – Константин Великий.

Со временем культа великого императора и его благочестивой матери превратились в модель христианского правления. Легендарные повествования об их набожности затмили участие Константина в убийстве собственного сына и второй жены, а также неясное происхождение его матери. Ключевой момент имел место в 451 г. на Халкидонском соборе, когда Маркиан и Пульхерия, правящий император и императрица, были объявлены «новым Константином и

новой Еленой».⁵ Маркиана также сравнили с Павлом и Давидом. Было сказано, что Пульхерия выказала веру и религиозный пыл Елены. Придворные и чиновники, устраивавшие эти действия, несомненно, понимали важность такого возвышения их хозяев. Одновременно они вносили вклад в преобразование основателя Константинополя и его матери в христианских святых, коими они представляются в более поздних средневековых повествованиях и на фресках, где их часто изображают стоящими по обе стороны Животворящего Креста.

⁵ *The Acts of the Council of Chalcedon*, tr. with introduction and notes by Richard Price and Michael Gaddis, 3 vols (Liverpool, 2005). Vol. 2. P. 240.

Глава 2

Константинополь – крупнейший город христианского мира

О имперский город, город укрепленный, город великого царя... Царь царей городов, песнь песней, величайший из великих.

Никита Хониат, историк начала XIII в.

В истории Константинополя большой кризис случился через 50 лет после смерти Константина Великого, когда готы 9 августа 378 г. разгромили римлян в сражении при Адрианополе. Император Валент II (364–378) выступил с большим войском, чтобы отбить натиск варваров, не дожидаясь западного подкрепления. Он был убит в сражении. Вместе с ним на поле боя пали самые опытные восточные командиры. В результате политический класс оказался обезглавленным. Только двум генералам удалось спастись – они и доложили о катастрофе молодому императору Востока Грациану (367–383). А готы в это время грабили территорию империи, постепенно подбираясь к стенам Константинополя.

В ответ на это империя активно использовала всевозможные дипломатические уловки, а византийцы затворились в своем городе за укрепленными стенами. Грациан, единственный оставшийся император, послал просьбу о помощи к Феодосию, который отказался от продолжения военной службы и удалился в свое поместье в Испании. Первоначально переговоры касались его назначения командующим вооруженными силами Востока, но, поскольку у Валента II не было преемника, а разделенная империя нуждалась в совместной деятельности двух императоров, Феодосий, вероятно, по достоинству оценил открывшиеся перед ним перспективы. Он согласился возглавить армию на Балканах, и позднее войска провозгласили его императором. После ряда кампаний против готов Феодосий заключил мир с захватчиками и в ноябре 380 г. с триумфом вошел в Константинополь, которого никогда не видел раньше. После двухлетнего междуцарствия Новый Рим получил нового правителя.

Феодосий I (379–395) был строгим христианином. В 381 г. он созвал собор, чтобы осудить арианское вероучение, и издал закон, запрещающий публичное отправление языческих обрядов. Но он оставил и более традиционный след в Константинополе – соорудил новую площадь со своей статуей, установленной на массивной колонне, и монументальным флюгером, который одновременно служил часами – на манер башни ветров в Афинах. В центре ипподрома, вокруг которого ездили колесницы, Феодосий установил египетский обелиск из Карнака, увековечивавший египетскую победу 1440 г. до н. э. с использованием символов старой, давно забытой религии и древнего языка Восточного Средиземноморья. Он стал еще одним знаком римского военного триумфа. На основании, поддерживающем обелиск, Феодосий изобразил себя присутствующим на бегах. Рядом с ним его двор, танцовщицы, музыканты и ряды варваров, приносящих дань. На северной грани резьба показывает технику, использованную для манипуляций с таким тяжелым монолитом; есть надписи на греческом и латинском языках. Хотя из-за землетрясений постройки в Константинополе нередко рушились, а статуи падали с колонн, обелиск оставался там, куда его установили инженеры в 390 г.

При новой династии, основанной Феодосием, римский мир изменился. До своей смерти в 395 г. император разделил империю между двумя своими сыновьями. Гонорий стал императором Запада, а Аркадий – Востока. В начале V в. Западная империя уступила натиску со стороны неримских сил – готов, гуннов, вандалов и франков, которые постепенно установили свое варварское правление в разных регионах. Рим дважды грабили – в 410 и 455 гг., а в 476 г. германские войска под командованием Одоакра свергли последнего римского императора на Западе. Новый Рим расширялся и процветал за счет старого Рима. На самом деле от некоторых отрядов варваров восточные императоры откупались и побуждали их двигаться на запад,

оставив восток в покое. Процесс был длительным, и в конце концов восточная часть римского мира стала тем, что мы сегодня называем Византией (см. гл. 3).

Константинополь рос так быстро, что в 412 г. в полутора километрах к западу от первоначальных оборонительных сооружений Константина началось строительство новых стен. Годом позже массивная тройная линия фортификационных сооружений была построена. Ее длина составляла 6 км, внутренняя стена имела высоту 11 м, каждые 70–75 м стояли башни, внешняя стена была немного ниже и тоже с башнями, а рядом с третьей внешней стеной выкопали глубокий ров. С морской стороны тоже были построены стены вдоль естественных барьеров – бухты Золотой Рог и Мраморного моря. Эти сооружения, защищавшие город от всех врагов до 1204 г., и сегодня производят сильное впечатление. Огороженная стенами городская территория увеличивалась примерно на 5 кв. м. Она включала старые городские кладбища, о которых строители рассказывали страшные истории: в процессе строительства им приходилось тревожить могилы, ломать надгробия, находить человеческие кости. В этом регионе в основном велось садоводство и огородничество, было много виноградников, плодовых деревьев и кустарников. Также население выращивало здесь овощные культуры, причем не только внутри города, но и за пределами стен. При императоре Анастасии (491–518) были построены Длинные стены – между Селимбрией (Селибрией, Силиври) на Мраморном море и Черным морем (45 км), ставшие внешним кольцом константинопольских укреплений. Хотя сегодняшние историки имеют обыкновение трактовать это сооружение как знак неудачи: ведь если враг подошел к Долгим стенам, значит, он находится всего в 65 км от столицы.

Все императоры стремились добавить новые памятники – такие, как памятные колонны, улучшить рынки и гавани, построить новые церкви, монастыри и пристройки к императорским дворцам. Имя Валента связано с сооружением главного акведука, по которому поступала вода из Визе, что во Фракии. Расстояние до этого города по прямой составляло 120 км. Это массивное инженерное сооружение, обеспечивавшее снабжение города водой, до сих пор возвышается над Старым городом. А сложная подземная дренажная система выводила из него сточные воды. Вода использовалась для общественных и личных бань и фонтанов и хранилась в больших резервуарах с водонепроницаемыми стенками и дном. Один из крупнейших открытых резервуаров для сбора дождевой воды был построен в 421 г. в добавленном к Константинополю районе, вероятнее всего префектом Аэцием. Емкость резервуара составляла 250–300 куб. м. Некоторые резервуары были установлены на античных блоках, как, например, колоссальная голова Медузы. Туда вмещалось более 78 тыс. куб. м. Посещение этого похожего на пещеру памятника и светозвуковое шоу в нем – любимое развлечение туристов в современном Стамбуле. Во время этого шоу туристы также получают представление о способности города выдерживать осаду.

Имея отличные фортификационные сооружения, а также возможности накапливать и хранить воду и зерно, Константинополь выдержал многочисленные нападения, самым крупным из которых может считаться совместная атака аваров, славян и персов в 626 г., а также несколько продолжительных осад. Нападение 626 г. было коротким, но очень серьезным, потому что императора Ираклия (610–641) не было в городе. Он вел длительную кампанию против персов на востоке, оставив Константинополь на патриарха Сергия и генерала Бонуса. Авары и славяне блокировали столицу с суши и отрезали снабжение ее водой, уничтожив акведук, а персидские силы прибыли на азиатское побережье Босфора. Бонус велел военноморским силам не дать славянам переправить персов через Босфор, вступил в переговоры с аварским каганом и начал устраивать вылазки против осадивших город войск. Тем временем патриарх собрал местное население на грандиозную религиозную процессию. Люди шли вокруг городских стен, несли христианские иконы и пели акафист, призывающий на помощь Богоматерь. Авары построили осадные машины и напали на город. Очевидцы утверждают, что видели женщину, которая возглавляла оборону, и этой женщиной была сама Пресвятая Дева.

Вероятно, люди считали, что Константинополь не мог устоять против столь грозных противников без участия сверхъестественных сил. Константинополь даже стали называть Теотокуполь – Город Богоматери, которая его защитила.

После 626 г. Константинополь атаковали арабы, желавшие сделать его своей столицей. Несколько осад в VII в. оказались неудачными. При Анастасии II (713–715) византийцы узнали, что начинается масштабная атака: император приказал, чтобы все семьи, которые не могут запастись продуктами питания на три года, покинули город – верный признак подготовки к длительной осаде. Перед подходом арабов (которые прибыли двумя армиями по суше и по морю) весной 717 г. императором стал Лев III. Он использовал такую же комбинацию дипломатических и военных стратегий, чтобы побудить хазар напасть на арабов с тыла, и применил против их кораблей «греческий огонь». После необычайно холодной зимы, во время которой осаждавшие были вынуждены съесть своих верблюдов, атака возобновилась. Но уже следующим летом халиф приказал им отступить, и по пути домой они потерпели еще ряд поражений. Византия в честь победы 718 г. каждый год 15 августа проводила литургии – в день Успения Богородицы. По словам церковнослужителей, город уцелел благодаря защите Пресвятой Богородицы, а по мнению Льва III – хорошо организованной обороне.

После внутренних разногласий в арабском мире попытки захватить Константинополь начали предпринимать болгары – сначала в VIII в., потом в 920-х гг. Но им было трудно поддерживать снабжение войск – слишком длинными были пути подвоза, поэтому они не могли планировать длительные осады и в обоих случаях отступили уже через несколько недель. Затем подошла очередь русских, которые, проплыв по Черному морю, нападали на город в 860, 941 и 1043 гг. Всякий раз Константинополь успешно отражал нападение, однако в самом начале XIII в. – в 1204 г. – нападение латинских крестоносцев оказалось успешным. Они сумели войти в город, но только благодаря коварству, предательству и внутренней слабости, а вовсе не военной силе крестоносцев. Прискорбная история о нападении христиан на Византию рассказана в главе 24. Несмотря на разграбление Константинополя и 57-летнюю латинскую оккупацию, в 1261–1453 гг. город восстановил византийский характер и даже вернул себе часть былой славы. Наконец, в мае 1453 г. оказалось, что фортификационные сооружения V в. не могут устоять перед турецким порохом и пушечными ядрами.

На протяжении всей своей византийской истории городское население то росло, то уменьшалось – в зависимости от направления давления извне. В результате постоянного роста населения после IV в. его численность достигла примерно полумиллиона человек при императоре Юстиниане (527–565). И хотя все оценки численности населения являются предположительными, цифра 500 тыс. человек основана на провозной способности зернового флота, который доставлял в город основные продукты питания, а также на активизации там строительства и управления. Новый Рим привлекал жителей, постепенно становясь самым крупным городом позднеантичного мира, а старый Рим приходил в упадок. В 541 г. империю поразила эпидемия чумы, которая существенно уменьшила численность населения. Болезнь разносили крысы, которых было множество на зерновых судах и в товарах, перевозимых по суше. Историк Прокопий, ставший свидетелем ужасов эпидемии, пытаясь их описать, не нашел ничего лучшего, чем использовать рассказ Фукидида о чуме V в. до н. э. К древней версии Прокопий добавил собственные наблюдения – о том, как живых осталось слишком мало, и они не могли хоронить умерших, которых приходилось бросать за стены и в резервуары. Количество жителей, должно быть, серьезно сократилось, причем не только в 541–542 гг., но и при последующих вспышках болезни в VII и VIII вв. Кроме этой непонятной эпидемии столицу регулярно поражали землетрясения, сея страх и унося все новые человеческие жизни. В 740 г. большое землетрясение разрушило до основания церковь Св. Ирины, а также много других городских построек.

Константин V (741–775) дал населению надежду, приняв программу восстановления города. Он начал с церкви Св. Ирины – ее восстановили довольно быстро, и она стала лучше, чем была. Для возрождения города более важным оказалось следующее мероприятие: в 766 г. Константин организовал насильственную иммиграцию тысяч рабочих, чтобы отремонтировать разрушенный во время осады 626 г. акведук. Их набирали из числа понтийцев, в Азии, Греции и на Эгейских островах. Вполне вероятно, они остались в городе и после завершения работ. При Константине отремонтировали часы Большого дворца. В 767 г. император в качестве подарка франкам отправил орган, показав тем самым свой интерес к таким музыкальным инструментам. Они, вероятно, работали на гидравлической энергии, как фонтаны, и выполняли функцию механических золотых игрушек при византийском дворе. Новые церкви, вроде той, что возле маяка – Фаросская церковь, находившаяся в Большом дворце, – отражали амбициозное стремление Константина к восстановлению, привлекавшему в город новых жителей и купцов. При посредстве внутренней экспансии и возрождения рынков император значительно улучшил положение Константинополя, который снова обрел репутацию центра международной торговли.

Как центр всей имперской администрации, дипломатии, придворного покровительства и обучения искусным ремеслам город открывал новые возможности людям из удаленных провинций, которым нужна была работа и протекция, а также наемникам и духовным лидерам. В середине IX в. борец и объездчик лошадей по имени Василий использовал свой талант, чтобы подружиться с императором Михаилом III, а потом в 878 г. и вытеснить его. Даже те, у кого не было никаких особенных талантов, стремились наняться на работу в большие дома или городские монастыри. Юные девушки соперничали за место при дворе, где многочисленные придворные дамы обихаживали императрицу и привлекали внимание потенциальных женихов. Иностранцы, которые первоначально идентифицировались по прозвищам, таким как «Итальянец» или «Славянин», быстро поднимались на высокие должности. Близкие отношения с Кавказом добавляли своеобразия этому мультикультурному обществу, в котором военные делали быструю и успешную карьеру. Императоры Филиппик (711–713) и Роман I (920–944) были из Армении, а Лев III являлся отпрыском сирийской семьи, переселенной в Исаврию, что на юге Малой Азии. К IX в. Константинополь снова стал средоточием многочисленных частных вилл и дворцов, построенных знатью, патриархами, имперскими чиновниками и администраторами.

В конце XI–XII в., когда турки-сельджуки вторглись в Малую Азию (см. гл. 21), Константинополь наводнили беженцы. Даже учитывая явный рост численности населения, город, судя по всему, мог накормить всех – отражение эффективной эксплуатации поместий в западных провинциях империи, многие из которых принадлежали религиозным институтам, таким как монастыри на горе Афон. В конце XII в. один, крупнейший из них, – Великая лавра (см. гл. 18) – имел небольшой флот, с помощью которого перевозил избытки зерна со Святой горы в столицу. Хотя точные данные относительно численности населения Константинополя для нас недоступны, известно, что гости с Запада не уставали поражаться количеству людей на улицах. Описывая историю Четвертого крестового похода, Жоффруа де Виллардуэн, умерший между 1212 и 1218 гг., верил, что в Константинополе живет 400 тыс. человек. По его мнению, это был самый большой город в христианском мире.

В Константинополе находилось много монастырей, церквей и святынь, привлекавших паломников и святых людей со всех концов христианского мира. В V в. сирийский монах Даниил забрался на столп в окрестностях Константинополя и оттуда давал советы даже императорам. Такие аскеты пользовались глубочайшим уважением ведущих епископов церкви. Патриарх Константинопольский руководил религиозным образованием и собрал большую библиотеку теологических текстов. В то же время существовали серьезные традиции светского образования, уходившие корнями в далекое прошлое. В 425 г. Феодосий II укрепил их, создав 31 место для преподавателей латинской и греческой грамматики, риторики, филосо-

фии и права в специально выделенной части Капитолия. Обладая твердым имперским патронажем, Константинополь оставался центром юридического образования, а также математической науки и философии всего региона. А тем временем старшая сестра Феодосия Пульхерия всячески поощряла культ Богородицы специальными всенощными литургиями.

При поддержке императрицы Верины, супруги Льва I (457–474), этот культ особенно укоренился в двух местах Константинополя – Влахерны, что у северо-восточного угла стен, и в квартале медников Халкопрития – у Большого дворца. Помимо известных и почитаемых реликвий – ризы, пояса и покрова Богородицы, – специальные иконы, изображавшие Святую Деву с Младенцем, а также литургический цикл Ее праздников, упомянутых в проповедях и молитвах, усиливали народную преданность Ей. Утверждали, что некоторые изображения принадлежали кисти св. Луки и были выполнены при жизни Богородицы. Все императоры пополняли имперскую коллекцию святых реликвий. В начале X в. Лев VI установил две чудотворные иконы по обе стороны от главного входа в кафедральную церковь Св. Софии (см. гл. 5). Западные гости после окончания Четвертого крестового похода поражались богатству коллекции реликвий и икон, равно как и числу придворных евнухов (см. гл. 15).

Мусульманские посетители тоже оставили комментарии о Константинополе и Византии. В XI в. дипломат и историк аль-Марвази записал: «Ромеи – великая нация. Они обладают обширными землями, где изобилуют хорошие вещи. Они талантливны в ремеслах и умеют изготавливать разные предметы, текстиль, ковры и сосуды».⁶

«Ромеи» приблизительно соответствуют римлянам. Так византийцы называли себя сами. По мнению аль-Марвази, только китайцы превосходили их в прикладных искусствах, а поскольку он побывал при дворе Великого хана, то имел полное право судить об этом. Он также объяснил богатство Византии, сообщив, что империя получала доходы от таможенных сборов, которые она собирала с купцов и кораблей из всех регионов, как и с караванов, добравшихся туда по суше из Сирии, от славян, русов и других народов. Для многих гостей с Запада богатство горожан Константинополя, которые одевались в шелка и ели икру, казалось сказочным. Для образованных жителей, таких как Никита Хониат, написавший историю Византии 1118–1206 гг., Константинополь был воистину «царем царей» городов. Его величие шло не столько от богатства, сколько от красоты, которой способствовало наличие прекрасных памятников и произведений искусства. Такое положение у Запада вызывало зависть, которую усилила неспособность Алексея IV заплатить участникам Четвертого крестового похода, что повлекло за собой разграбление города в апреле 1204 г.

Хотя после численность населения Константинополя так и не восстановилась до уровня предшествовавшего периода, он сохранил положение интеллектуального лидера до своего падения перед турками, продолжая привлекать купцов, художников и ученых, которые покровительствовали новому строительству и украшению церквей. Феодор Метохит (1270–1332), государственный деятель и ученый, восстановил древний фундамент монастыря Хора (Кахрие Джамии) в северо-западном районе города, украсил церковь великолепными новыми мозаиками и фресками. Труд архитекторов и ремесленников приносил новые формы в византийскую цивилизацию. К примеру, появились погребальные часовни с гробницами (для своих хозяев), которые пристраивались ко многим церквям. Вердикт арабских гостей был вполне благоприятным. В XIII в. аль-Харави написал, что «Константинополь – город еще более великий, чем его репутация». Далее он добавил: «Пусть Бог в своем милосердии и щедрости сделает его столицей ислама». Позже аль-Казвини (1203–1283) заметил: «Ничто подобное не было построено ни до него, ни после». А великий историк и социолог Ибн Хальдун (1332–1406) назвал его «изумительным городом, резиденцией цезарей, полным работ, известных своим великолепием».⁷

⁶ V. Minorsky, “Marwasi on the Byzantines”, in *Medieval Iran and its Neighbours* (London, 1982). P. 455–469.

⁷ Nadia Maria El Cheikh, *Byzantium Viewed by the Arabs* (Cambridge, Mass., 2004). P. 204.

Эта оценка усилила желание оттоманских турок сделать Константинополь своей столицей. После осады и захвата города в 1453 г. султан Мехмед II отдал его на разграбление на три дня, а потом много лет восстанавливал и всячески старался заселить его. Увенчанные куполами храмы Константинополя вдохновили Мехмеда на создание в городе Мечети завоевателя (Фатих Джамии), возведенной на месте церкви Св. Апостолов, к которой был пристроен императорский мавзолей. Даже после завоевания турками Константинополь остался столицей Оттоманской империи. Пять сотен лет он был известен как Высокая Порта – центр международной дипломатии и ближневосточной политики. Константинополь воплощал стимулирующую комбинацию заморской торговли, местной торговой активности, бюрократии и ритуалов.

Сегодня он больше не является столицей Турции, и его древние стены окружены новыми автомобильными дорогами и обширными окрестностями. Бульвар Ататюрка проходит под и между арками главного акведука. Башня, построенная генуэзцами в Галате, северном пригороде, на другой стороне Золотого Рога (также называется Пера), выделяется среди современных зданий, теперь окружающих ее. А купола собора Св. Софии и Голубой мечети соперничают за внимание туристов в Старом городе. И все же город Константина до сих пор узнаваем своими великолепными видами, площадями и памятниками, которые пробуждают воспоминания о величии его истории. Ведь ему уже 17 сотен лет.

Глава 3

Восточная Римская империя

Бросайте в них свои дротики и стрелы... чтобы они знали, что сражаются... с потомками греков и римлян.

Император Константин XI Палеолог, обращаясь к своим войскам 28 мая 1453 г. «Хроника» Псевдо-Сфрандзи

Экспансия Римской империи и распространение римской культуры в Британию, Северную Африку, Египет, Центральную Европу, на Балканы и Ближний Восток по сей день представляется удивительным явлением. Обладая несомненной способностью собирать налоги во всех провинциях, чтобы финансировать следующие военные кампании и поддерживать центральный имперский бюрократический аппарат, римская администрация достигла ранее невиданного уровня контроля над самыми разными территориями. Сила империи уходила корнями в систему, которая позволяла интегрировать покоренные регионы таким образом, чтобы они добавляли ей сил. Империя мастерски владела искусством использовать местные таланты всех провинций на пользу своему делу, низводя регионы до подчиненного статуса.

Латынь использовалась на всей территории запада, а греческий оставался *lingua franca* всех восточных регионов. До VI в. Византийская империя использовала оба древних языка. Администраторы, которых посылали с Запада в восточную половину империи, часто снабжались своеобразными словарями, показывавшими греческий эквивалент латинских слов и объяснявшими местную терминологию. Перевод с греческого языка на латынь был в основном работой христианских ученых, которые хотели сделать Священное Писание и теологические труды доступными для жителей Запада. Намного меньше латинской литературы переводилось на греческий язык. К примеру, большая часть трудов Цицерона, Овидия, Вергилия и Горация оставались неизвестными для одноязычных греков. Однако большинство образованных людей говорили на двух языках. Аммиан Марцеллин (ок. 330–392 или позже), уроженец Антиохии, называвший себя греком и солдатом, написал историю своего времени на латыни, изложив ход военной кампании императора Юлиана. Он также блестяще передал красоту древних достопримечательностей, не сохранившихся до наших дней, таких как храм Сераписа (Серапеум) в Александрии, разрушенный христианами в 391 г., или форум Траяна в Риме.

Императоры старались поддерживать единство обширной империи, но признавали трудности, связанные с управлением ею из одного центра. Решение предложил Диоклетиан (284–305), разделивший империю на две половины, каждой из которых правил император и его помощник – «младший» император. Два старших императора должны были действовать сообща, издавая законы, обязательные для выполнения в обеих половинах римского мира, и защищая свои территории. Такая тетрархия была призвана стабилизировать гражданское управление и военную оборону. Она функционировала достаточно эффективно, чтобы позволить Диоклетиану и его коллеге уйти на покой после двадцати лет службы, оставив императорами своих младших коллег. Но, как мы видели в главе 1, Константин разрушил эту систему, желая стать единоличным правителем империи. Это реставрировало монархию.

Монархия, однако, в IV в. была не более успешной, чем тетрархия в решении проблем Римской империи. Потомки Константина оказались перед лицом двух разных типов военной угрозы. На востоке римляне должны были сдерживать Персию, на севере и западе германские племена ждали случая оккупировать римскую территорию. Не имевшие письменности, монет, права или узнаваемой системы управления, они традиционно считались наивными варварами. Но все же Юлиан (361–363) до того, как стать императором, был вынужден провести кампа-

нию против алеманнов к востоку от Рейна, так же как против персов за Евфратом. Ни один император не мог защитить одновременно все границы растянутой империи.

В 395 г. Феодосий I навязал другое решение, формально разделив империю между своими сыновьями: Гонорий стал императором Запада, а Аркадий – Востока. Но поскольку оба юных императора нуждались в опекунах и советниках, ситуацией воспользовались генералы. Стилихон (наполовину римлянин, наполовину вандал) захватил контроль над Западом, а евнух Евтропий – над Востоком. Они олицетворяли набор неримских сил (в первую очередь готов) в армию, который позволил варварам достичь высокого положения. Этот процесс имел место в обеих половинах империи, но влияние варваров оказалось намного опаснее на Западе. Восстание в Британии привело к выводу имперских войск в 406 г., что совпало с большим нашествием вандалов, свевов и аланов по льду Рейна. Далее они направились через Галлию в Испанию, что явилось началом конца западной части Римской империи.

Но самый серьезный вызов имперской власти бросили вестготы, лидер которых Аларих был назначен *magister militum per Illyricum* (магистр армии восточной провинции Ил лирик – крупного региона Балкан). К 410 г. он привел вестготов в Италию, осадил Рим и отказался вступать в переговоры с сенатом, равно как и от предложений золота. В августе того же года Рим – Вечный город, столица величайшей империи Древнего мира – был разграблен недовольными войсками Алариха. Катастрофа побудила св. Августина, гиппонского епископа, к написанию труда «О граде Божием».

Вслед за разграблением Рима начались другие завоевания варваров – военные походы гунна Аттилы, второе разграбление Рима вандалами из Северной Африки в 455 г. и свержение последнего западноримского императора Ромула Августа в 476 г. После этого западная часть римского мира была поделена между варварами. Одни, как Аларих и остгот Теодорих (Теодерих), подстрекались восточными императорами к походам на запад, оставив восток в покое. Другие, к примеру бургунды и франки, перешли Рейн и обосновались в Центральной и Северной Галлии. Немногочисленные чиновники, представлявшие остатки римской администрации, перебрались в Арль, что на юге современной Франции, и стали торговаться с пришельцами на наилучших условиях для себя. Многие представители сената искали убежища в церкви.

Однако восточная половина империи вовсе не пришла в упадок. Наоборот, она просуществовала еще больше тысячелетия. Все это время ее столицей был сильный Константинополь, которому оказывали поддержку богатые провинции Ближнего Востока. Восточная империя контролировала восточную часть Средиземноморья, расположенную к востоку от линии, проведенной от Сингидуна, что на Дунае (современный Белград), через Адриатику на юг до Кирены, что в Северной Африке (современная Ливия) (см. карту 2). Большая часть Балкан, Греция, Эгейские острова и вся современная Турция лежат в ее северной половине, а Сирия, Палестина, Египет и Ливия – в восточном и южном секторах. За Черным морем римская власть сохранила небольшое поселение в Крыму, и навигация через Эвксин, или «дружественное» море, продолжилась. Крит, Кипр и Сицилия были ключевыми точками на морских путях, а порты Александрия, Газа, Кесария и Антиохия поддерживали торговлю, опираясь на авторитет Константинополя. До VII в. международная торговля также доходила до западных центров, таких как Карфаген в Северной Африке и Картагена и Севилья в Южной Испании.

Восточная половина Римской империи и есть Византия. Это название было дано ей только в XVI в., когда ученые гуманисты стали искать способ идентифицировать то, что осталось после краха старого Рима на западе. И хотя они ввели термин, который прижился и использовался с тех пор, важно помнить, что сами византийцы называли себя римлянами (по-гречески – ромеями) и считали себя таковыми. Причем их претензии на римские качества не были тщеславием или снобизмом. В 330–619 гг. Византий наслаждался имперскими реалиями и идеологией. В первую очередь речь идет о принципе «хлеба и зрелищ», то есть об обеспе-

чении основных продовольственных поставок и развлечений для всех жителей восточной столицы.

Как мы уже видели, Константин I настоял на бесплатной раздаче хлеба всем константинопольским строителям. Организация достаточного импорта зерна из Египта – важнейшее государственное мероприятие, обеспечившее занятость владельцам зерновых судов, морякам и капитанам, совершавшим рейсы в Александрию, а также рабочим, выгружавшим зерно на острове Тенедос – на входе в Дарданеллы, где оно хранилось в просторных силосах в ожидании попутного ветра, который позволил бы отвезти его в столицу. Там оно распределялось среди членов гильдии мельников и пекарей, обеспечивавших ежедневное наличие хлеба. Те люди, которые могли документально подтвердить свою принадлежность к городскому населению, получали бронзовый знак, дававший право на получение буханки бесплатного хлеба в пунктах выдачи. Этот хлеб раздавали не по причине нужды, скорее, это была привилегия для тех, кто мог доказать, что он византиец.

После персидской оккупации Египта в 619 г. зерновой флот больше не прибывал, но раздача хлеба продолжилась. Снабжение зерном стало обеспечиваться из альтернативных источников, в первую очередь из Фракии. Только теперь жителям приходилось платить за хлеб. И хотя имели место бунты, когда качество хлеба падало, и городской эпарх не раз подвергался нападениям, если ощущалась нехватка того или иного продукта, принцип снабжения столицы основными продовольственными товарами поддерживался веками. Даже когда население Константинополя увеличилось примерно до полумиллиона человек – при Юстиниане перед началом эпидемии чумы – и до 400 тыс. в XII в., выпекалось достаточно хлеба, чтобы хватило всем.

Кроме хлеба государство гарантировало публичные развлечения, которые устраивались на константинопольском ипподроме, обновленном Константином I. Эта арена для скачек была огромной. Ближе всех к беговым дорожкам сидели сенаторы и знать – на мраморных скамьях, выше располагались деревянные скамьи для остальных зрителей. На самом верху предусматривались стоячие места для женщин и детей. Византийцы являлись страстными энтузиастами скачек и гонок колесниц и фанатами партий, которые различались по цветам. «Красные», «белые», «зеленые» и «голубые», импортированные из Рима, были организованы профессиональными корпорациями. К VI в. значение имели только «зеленые» и «голубые», но они разрослись, стали крупными и могущественными партиями и теперь не только проводили скачки, но и показывали выступления гимнастов, атлетов, боксеров и диких животных, а также исполняли пантомимы, песни и танцы в промежутках между скачками.

Благодаря истории Прокопия мы располагаем подробным описанием одного известного народного развлечения. Артисткой была Феодора, родившаяся в 497 г. Некоторые историки считают, что рассказ не обоснован и имеет целью опорочить ее. Но ведь императору пришлось изменить закон, чтобы сделать ее своей супругой, значит, она, вероятнее всего, происходила из семьи, занимавшей низкое положение, даже если она не выступала в том качестве, в каком описывает Прокопий. Его рассказ показывает, как «голубые» и «зеленые» устраивали народные развлечения, описывая различные действия, которые должны были выполнять артисты: отец Феодоры – Акакий, судя по всему, был «медвежатником», который заставлял зверя танцевать или драться во время разных представлений. После его смерти жена попыталась найти себе другого мужа из числа «голубых», но не имела успеха. Тогда она решила использовать дочерей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.